Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Амеде Дюнуа
Доклад ”Анархизм и Организация”
27 августа 1907

Anarchisme & Syndicalisme: Le Congrès Anarchiste International d’Amsterdam (1907), c. 155-161

ru.anarchistlibraries.net

Доклад ”Анархизм и Организация”

Амеде Дюнуа

27 августа 1907

Четвертое заседание, Вторник, 27 августа. – Утреннее заседание.

Около девяти часов заседание открывается.

РУДОЛЬФ ЛАНГЕ избирается председателем конгресса, а КРИСТИАН КОРНЕЛИССЕН и Р. ДЕ МАРМАНД – его заместителями.

Повестка дня предусматривает обсуждение вопроса: «*Синдикализм и анархизм*»[1]. Но поскольку один из доклад-

[1] «Когда в течение марта мы образовали в Париже учебную группу ввиду Амстердамского конгресса, одной из первых наших забот было потребовать, чтобы в повестку дня были внесены вопросы синдикализма и всеобщей забастовки *прежде* вопроса об организации. Этим мы хотели дать понять, что придаём профсоюзам, существенным органам рабочего движения, ещё больше значения, чем анархическим группам. Голландские товарищи удовлетворили нашу просьбу, и таким образом синдикализм и всеобщая забастовка оказались в начале повестки дня конгресса. Но соображения чисто конъюнктурного порядка склонили конгресс к тому, чтобы первым делом обсудить вопрос об организации». (А. ДЮНУА, «*Le Réveil de Genève*», №212).

чиков, товарищ Джон Тёрнер, ещё не прибыл[2], конгресс решает сначала обсудить вопрос: «*Анархизм и организация*». Слово предоставляется докладчику Амеде Дюнуа.

АМЕДЕ ДЮНУА. – Не так далеко то время, когда большая часть анархистов была против всякой мысли об организации. Тогда затеянный нами проект вызвал бы среди них бесчисленные протесты, а его авторов заподозрили бы в скрытых реакционных намерениях и в авторитарных замыслах.

Это было время, когда анархисты, изолированные друг от друга, ещё более изолированные от рабочего класса, казалось, утратили всякое социальное чувство; когда анархизм с его непрестанными призывами к преобразованию индивида представал перед многими как высший расцвет старого буржуазного индивидуализма.

Считалось, что индивидуальное действие, «индивидуальная инициатива» способна заменить всё. Изучение экономики, явлений производства и обмена обычно считалось чем-то незначительным, и даже некоторые из наших, отрицая всякую реальность классовой борьбы, соглашались видеть в современном обществе лишь антагонизмы мнений, к которым «пропаганда» как раз и должна была подготовить индивида.

Как абстрактный протест против оппортунистических и авторитарных тенденций социал-демократии, анархизм за последние двадцать пять лет сыграл немалую роль. Почему же вместо того, чтобы на этом остановиться, он попытался построить – в противовес парламентскому социализму – идеологию, которая была бы ему всецело присуща?

[2] Тёрнер, неожиданно задержанный профсоюзной конференцией, не смог приехать в Амстердам.

В своих смелых порывах эта идеология слишком часто теряла из виду твёрдую почву реальности и практического действия и слишком часто также в конце концов приземлялась, хотела она того или нет, на пустынные берега индивидуализма. Так и пришли мы к тому, что перестали мыслить организацию иначе как в формах, неизбежно угнетающих «индивида», и стали систематически отвергать всякое коллективное действие. Однако именно в этом вопросе об организации, который нас как раз занимает, совершается знаменательная эволюция. Несомненно, эта частная эволюция должна быть связана с общей эволюцией, которую анархизм претерпел во Франции за последние годы.

Смешавшись активнее, чем прежде, с рабочим движением, мы преодолели расстояние, отделяющее чистую идею, которая так легко превращается в неприкосновенную догму, от живой реальности. Мы всё меньше интересовались нашими прежними абстракциями и всё больше – практическим движением, действием: синдикализм [то есть профсоюзное движение], антимилитаризм заняли у нас первое место. Анархизм предстаёт нам гораздо меньше в облике философской и моральной доктрины, чем в качестве революционной теории, в качестве конкретной программы общественных преобразований. Нам достаточно видеть в нём наиболее совершенное теоретическое выражение стремлений пролетарского движения.

Анархистская организация всё ещё вызывает возражения. Но эти возражения весьма различны в зависимости от того, исходят ли они от индивидуалистов или от синдикалистов.

Против первых достаточно сослаться на историю анархизма. Он вышел путём развития из «коллективизма» Интернационала, то есть, в конечном счёте, из рабочего движения. Следовательно, он не есть недавняя, наиболее со-

вершенная форма индивидуализма, но одна из разновидностей революционного социализма. То, что он отрицает, – это не организация; напротив, это правительство, с которым, как сказал нам Прудон, организация несовместима. Анархизм не индивидуалистичен; он федералистичен, «ассоциационистичен» в первую очередь. Можно было бы определить его так: всесторонний федерализм.

Впрочем, непонятно, каким образом анархистская организация могла бы вредить индивидуальному развитию своих членов. Ведь никто не был бы обязан в неё вступать и, вступив, не был бы обязан из неё не выходить.

Возражения, выдвигаемые с индивидуалистической точки зрения против наших проектов анархистской организации, не выдерживают проверки: они с тем же успехом обратились бы против любой структуры общества. Возражения синдикалистов более основательны. Остановимся на них на мгновение.

Существование рабочего движения с явно революционной ориентацией является сейчас во Франции тем великим фактом, о который рискует споткнуться, если не разбиться, всякая попытка анархистской организации; и этот великий исторический факт налагает на нас известные предосторожности, которых, я полагаю, уже не обязаны соблюдать наши товарищи в других странах.

— Рабочее движение, – говорят нам, – предлагает вам почти безграничное поле действия. В то время как ваши группы по убеждениям, – эти маленькие замкнутые кружки, куда проникают лишь верные, – не могут надеяться бесконечно увеличивать свои ряды, – в это же время, напротив, профсоюзная организация не отчаивается в том, чтобы вместить в свои гибкие и подвижные рамки весь пролетариат.

И далее продолжают: именно в рабочем союзе ваше место как анархистов, и только там. Рабочий союз – не

(Слова Тонара вызывают лёгкий шум; несколько делегатов громко аплодируют, тогда как слышны оживлённые протесты)

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА. – Вопрос о голосовании, который поднимает здесь Тонар, естественным образом входит в вопрос об организации, который мы обсуждаем. Так давайте же обсудим этот вопрос о голосовании; лично я не вижу в этом никакого неудобства.

ПЬЕР МОНАТТ. – Я не могу понять, что было антианархического, иначе говоря авторитарного, в нашем вчерашнем голосовании. Совершенно невозможно приравнивать голосование, которым собрание решает вопрос процедуры, ко всеобщему избирательному праву или к парламентским выборам. Мы ежеминутно пользуемся голосованием в наших профсоюзах, и, повторяю, я не вижу в этом ничего противоречащего нашим анархистским принципам.

Есть товарищи, которые по любому поводу, даже по самым пустячным вещам, испытывают потребность поднимать вопросы принципа. Неспособные понять дух нашего антипарламентаризма, они придают значение простому факту опускания клочка бумаги в урну или поднятия руки для выражения мнения.

КРИСТИАН КОРНЕЛИССЕН. – Голосование было бы предосудительным, только если бы оно обязывало меньшинство. Но это не так, и мы применяем голосование лишь как удобное средство определить соответствующее соотношение различных присутствующих мнений.

Р. ДЕ МАРМАНД. – При таком понимании прибегать к голосованию совершенно необходимо. Если мы решим не голосовать после каждой дискуссии, как же мы узнаем, каково мнение конгресса или на сколько течений мнения конгресс разделяется?

просто организация борьбы, он живой зародыш будущего общества, и это будущее будет таким, каким мы сделаем профсоюз. Ошибка – оставаться среди посвящённых, пережёвывать всё те же проблемы доктрины, бесконечно вращаться в одном и том же кругу мысли. Ни под каким предлогом нельзя отделяться от народа, ибо каким бы отсталым, каким бы ограниченным ни был ещё народ, именно он – а не идеолог – является необходимым двигателем всякой революции. Разве у вас, как у социал-демократов, есть интересы, отличные от интересов пролетариата, – интересы партии, секты или клики? Пролетариату ли идти к вам, или вам идти к нему, чтобы жить его жизнью, завоевать его доверие и побуждать его словом и примером к сопротивлению, к бунту, к революции?

Однако я не вижу, чтобы эти возражения были против нас. Организованные или нет, анархисты (я имею в виду тех из нашего направления, кто не отделяет анархизм от пролетариата) не претендуют на роль «высших спасителей». Давно убеждённые в том, что освобождение трудящихся будет делом самих трудящихся *или его не будет*, мы охотно отводим рабочему движению первое место в порядке действия. Это значит, что, по нашему мнению, профсоюз не должен играть чисто узкоцеховую, плоско-профессиональную роль, как понимают её гедисты и вместе с ними некоторые анархисты, застрявшие на устаревших формулах. Время цеховой замкнутости прошло: этот *факт* мог поначалу противоречить предшествовавшим ему концепциям; мы же принимаем его со всеми его последствиями. – Итак, наша роль, роль анархистов, которые считают себя наиболее передовой, наиболее смелой и наиболее раскрепощенной частью этого организованного в профсоюзах воинствующего пролетариата, – быть всегда рядом с ним и сражаться, смешавшись с ним, в тех же битвах. Далека от нас нелепая мысль изолироваться в наших

учебных группах; организованные или нет, мы останемся верны нашей миссии воспитателей, возбудителей рабочего класса. И если сегодня мы считаем нужным объединяться между товарищами, то это, среди прочих причин, для того, чтобы придать нашей профсоюзной деятельности максимум силы и постоянства. Чем сильнее будем мы – а сильны мы будем, только объединяясь, – тем сильнее будут и те течения мысли, которые мы сможем направлять через рабочее движение.

Но должны ли наши анархистские группы ограничиваться совершенствованием образования активистов, поддержанием в них революционной энергии, тем, чтобы дать им возможность знать друг друга и встречаться? Не должны ли они *напрямую* осуществлять и собственную деятельность? – Мы думаем, что должны.

Социальная революция может быть делом только масс. Но всякая революция необходимо сопровождается действиями, которые по своему характеру – в известном смысле техническому – могут быть делом лишь небольшого числа, наиболее смелой и наиболее образованной части поднявшегося пролетариата. В каждом квартале, каждом городе, каждом регионе наши группы образовывали бы в революционный период столько же малых боевых организаций, предназначенных для выполнения особых и деликатных мер, к которым большая масса чаще всего неспособна.

Но существенным и постоянным предметом группы было бы, наконец, я подхожу к этому, – анархистская пропаганда. Да, мы объединялись бы прежде всего для распространения наших теоретических воззрений, наших методов прямого действия и федерализма. До сих пор пропаганда велась индивидуально. Индивидуальная пропаганда давала в прошлом весьма значительные результаты, но приходится признать, что сегодня дело обстоит уже не так.

В течение нескольких лет своего рода кризис поразил анархизм. Почти полное отсутствие согласия и организации между нами в значительной мере повинно в этом кризисе. Анархистов во Франции очень много. В теоретическом отношении они уже сильно разделены; в практическом – ещё более. Каждый действует по своему усмотрению и в своё время. Индивидуальные усилия, какими бы значительными они ни были, рассеиваются и часто растрачиваются впустую. Анархисты есть повсюду: недостаёт анархистского движения, которое объединило бы на общей почве все силы, до сего дня сражавшиеся порознь.

Это анархистское движение родится из нашего общего действия, из нашего согласованного, скоординированного действия. Излишне говорить, что анархистская организация не стала бы претендовать на объединение всех элементов, которые ссылаются – иногда весьма ошибочно – на идею анархии. Достаточно было бы, чтобы она объединила вокруг программы практического действия всех товарищей, принимающих наши принципы и желающих работать с нами.

Прения

ЖОРЖ ТОНАР. – Я присоединяюсь ко всему, что только что сказал Дюнуа по вопросу об организации, и отказываюсь от слова [Жорж Тонар должен был представить свой доклад], но не прежде, чем сделаю одно заявление.

Вчера мы закончили *голосованием* долгую дискуссию, развернувшуюся вокруг предложения Домелы Ньювенгейса. Я участвовал в этом голосовании, хотя являюсь противником всякого голосования, потому что мне показалось, что обсуждавшийся вопрос не имеет значения. Многие здесь, несомненно, были в моём положении. Я просто прошу конгресс заявить сегодня, что он поступил неразумно и что в дальнейшем постарается быть благоразумнее.